

Ещё не дойдя до ворот, Чжан Дая увидела, как госпожа Лю провожает гостью. Чжан Дая узнала её — это была золовка госпожи Лю. Она редко приезжала, Чжан Дая видела её всего пару раз. Кажется, она вышла замуж за парня из деревни Сяохэ. У того парня была сестра, которая вышла замуж в деревню Сяошань, в семью Сунь. В прошлом месяце Чжан Дая как раз повздорила со старухой Сунь, так что впечатление осталось ярким.

— Сестра, подумай над моим предложением. Моя племянница — вот такая, — золовка показала большой палец. — Можешь сама поспрашивать в деревне Сяошань. Ей в этом году исполнилось семнадцать, красавица, и бёдра широкие, как у её сестры. А сестра её несколько лет назад замуж вышла, и за три года уже двоих родила. Если она выйдет за нашего Хуцзы, в следующем году точно подарит тебе внука.

— Правда? Это хорошо. Я слышала про ту девушку, что хорошо рожает. Если это её сестра, то, наверное, тоже плодовитая. Я давно хочу внуков, а Хуцзы всё тянет, говорит, не спешит. Но посмотри, в деревне кто из парней в двадцать лет ещё не женат, кроме тех, кто не может найти невесту? Если бы я его не торопила, он бы и не думал о женитьбе. Когда твой брат вернётся, я с ним поговорю.

Госпожа Лю была заинтересована. О девушках из семьи Сунь она слышала. Все говорили, что старуха Сунь умеет растить дочерей. Обе красавицы, не такие смуглые, как другие деревенские девушки. Беленькие, ухоженные, как городские.

Золовка, увидев её реакцию, поняла, что дело на мази, и продолжила нахваливать:

— Мой брат тебя слушается. Я же тётя Хуцзы, я его с детства знаю. Разве я могу ему навредить? Если всё получится, мы не прогадаем.

Чжан Дая поняла, что золовка Лю сватает за него младшую дочь семьи Сунь, Цзюаньцзы.

Здесь было так: парни искали невест в основном через свах. Обычно парень выбирал девушку, а не наоборот.

Но на деле всё было иначе. У каждого были свои интересы, свои родственные связи. Свахи, встретив хорошего жениха, в первую очередь думали о своих. Если в семье не было подходящей девушки или гэ'эра, они искали среди родственников или хороших знакомых. Зачем отдавать хорошее чужим?

Лю Хуцзы был завидным женихом, и на него многие засматривались. В таких случаях обычно просили кого-то из родственников Лю, чтобы те замолвили словечко, представили девушку.

Как, например, семьи Цзян и Сунь. Обе заметили Лю Хуцзы и отправили Чжан Дая и золовку

Лю к госпоже Лю. Но, конечно, говорить, что их послала семья девушки, было нельзя. Нужно было представить дело так, будто они сами считают девушку хорошей парой для Хуцзы и решили их познакомить.

Если обе стороны будут заинтересованы — хорошо. А если нет — репутация девушки или гэ'эра не пострадает.

Внешне всё выглядело именно так, но все понимали, что к чему.

И теперь Чжан Дая знала, что старуха Сунь тоже нацелилась на её двоюродного брата.

Да разве эта Сунь Цюаньцзы, которая на всех смотрит свысока, достойна её брата?

Просто смешно.

Дождавшись, когда женщина уйдёт, Чжан Дая вышла из-за угла.

— Тётя.

Госпожа Лю, собиравшаяся войти во двор, удивилась:

— Ой, Дая, ты как здесь оказалась?

Голос у госпожи Лю был громкий. Свояченица обернулась, и Чжан Дая, понизив голос, сказала:

— Давай зайдём в дом.

— Хорошо, хорошо, — госпожа Лю, увидев, что та принесла яйца, обрадовалась. Хоть в последние годы их семья разбогатела и накопила немного денег, и они уже не были так бедны, как раньше, когда варёное яйцо было лакомством раз в три-пять дней, но подарку она всё равно была рада.

Сейчас дома была только она. Старик Лю и двое детей ушли на работу.

Несколько дней назад она сорвала две тыквы, вычистила семечки и высушила их. Когда пришла свояченица, она специально поджарила тарелочку. Не доели. Перед тем как проводить гостью, она убрала их, но не успела прибрать со стола. Чжан Дая уже увидела шелуху.

Эти семечки теперь не сохранить.

Она с сожалением скривила губы, но тут же нацепила улыбку, изображая гостеприимство. Она вошла на кухню, вынесла семечки и с радушной улыбкой сказала:

— Давай, Дая, пощёлкой семечек. Я помню, ты их раньше любила.

— Спасибо, тётя. Вот, я тебе яиц принесла.

Госпожа Лю для вида поотнекивалась, но потом взяла яйца и, улыбаясь, велела Чжан Дая есть побольше. Поболтав немного, она спросила, зачем та пришла. Когда Чжан Дая объяснила, её лицо тут же омрачилось.

Чжан Дая не услышала ответа и, подняв голову, увидела, что на лице тёти снова улыбка. Она не сказала ни да, ни нет, а лишь проговорила:

— Когда твой двоюродный брат вернётся, я с ним поговорю. Ты же знаешь, он несколько лет проработал за пределами деревни, у него на всё своё мнение. — Она сделала паузу, потом перевела разговор: — Дая, как ты там в семье Цзян? Хорошо к тебе относятся?

— Всё хорошо.

— Ну и ладно. Ты помнишь семью Хуан, которая хотела за тебя свататься? — вдруг спросила госпожа Лю.

Чжан Дая, будучи простодушной, не сразу поняла, к чему она клонит.

— Помню, а что?

Госпожа Лю хлопнула себя по бедру и с досадой сказала:

— Ты не представляешь! Потом твоя мать послала людей в Шилипо разузнать про ту семью Хуан. И что ты думаешь? Ой, какие же они нищие! Живут хуже, чем в нашем сарае.

Она с презрением посмотрела на Чжан Дая и продолжила:

— И не посмотрят на себя, с такими условиями ещё и свататься лезут. Просто не знают стыда. Это же как жаба, которая хочет съесть лебедя. Хорошо, что твоя мать тогда не согласилась.

К чему вдруг этот разговор?

Чжан Дая почувствовала, что в словах тёти что-то не так. Раньше она бы ещё несколько ночей думала, чтобы понять, в чём дело, но после того как Цю Цуйцуй однажды съязвила в её адрес,

она стала быстрее соображать.

— Тётя, ты на что намекаешь?

Она помрачнела, встала и, ударив по столу, сердито посмотрела на госпожу Лю. Та опешила, не ожидая, что за несколько месяцев Чжан Дая научится понимать намёки. Она хоть и была крупной, но когда злилась, выглядела ещё более устрашающе.

Госпожа Лю смутилась.

— Да... да что я имею в виду. Просто за тебя обидно. Ох, язык мой — враг мой. Зачем я это сказала. Дая, не сердись, ешь семечки.

Она натянуто улыбнулась. Чжан Дая не стала дальше развивать эту тему. Она не знала, то ли она всё придумала, то ли госпожа Лю и правда «указывала на шелковицу, а ругала акацию». Она ещё пару раз завела разговор о Цзян Сяои и Лю Хуцзы, но госпожа Лю отвечала уклончиво: то она не может решать, то у Лю Хуцзы своё мнение. Но ни разу не сказала, что подумает. Это означало, что она не согласна и даже не хочет рассматривать этот вариант.

Она явно презирала Цзян Сяои.

И не выказывала Чжан Дая ни капли уважения.

Чжан Дая с мрачным лицом вернулась домой. Госпожа Чжан спросила, что случилось. Когда Чжан Дая всё рассказала, лицо госпожи Чжан тоже помрачнело.

— Твоя тётя в последнее время зазналась.

Госпожа Лю действительно зазналась. Едва Чжан Дая ушла, как вернулся старик Лю.

Увидев, что она ходит по двору взад-вперёд и что-то бормочет, он удивился.

— Что случилось?

С тех пор как их сын начал работать в городе, никто в деревне не смел их обижать.

— Эта Дая просто издевается над нами, — сердито сказала госпожа Лю.

— Что она сделала? — старик Лю поставил мотыгу у стены. — Она сегодня приходила? Почему ты её не задержала? Я давно её не видел.

— Задержала? Да я её выгнать готова была, — покраснев от злости, ответила госпожа Лю.

Старик Лю посерьёзnel.

— Что случилось? Что она сделала, что ты так разозлилась?

— Она сватает нашему Хуцзы, — сказала госпожа Лю.

— Так это же хорошо, — не понял старик Лю.

— Хорошо, как же! Ты не знаешь, кого она сватает.

Старик Лю спросил, кого. Госпожа Лю громко ответила, зная, что старик Лю не поймёт, если она назовёт имя гэ'эра из семьи Цзян:

— Это гэ'эр той самой Хуан Сюлянь.

Старик Лю немного подумал.

— Тот, что из деревни Сяошань?

— Он самый, — госпожа Лю уперла руки в бока, её грудь тяжело вздымалась. — Во-первых, не говоря уже о его семье, ему скоро двадцать, и он гэ'эр. А наш Хуцзы? Он самый завидный жених на десять ли в округе.

Говоря о Лю Хуцзы, лицо госпожи Лю смягчилось, на нём появилось выражение гордости и презрения.

— К тому же, мы построили большой дом с черепичной крышей. У семьи Цзян, должно быть, совесть толщиной с задницу, раз они осмелились свататься. За кого они нашего Хуцзы принимают? Будто он любую кошку-собаку в дом приведёт.

По мнению госпожи Лю, её сын был выдающимся человеком. В последние годы, куда бы она ни пошла, все хвалили её, говорили, что она умеет растить сыновей и в старости будет жить в почёте.

Лю Хуцзы по сравнению с другими деревенскими парнями действительно был сообразительнее. Иметь постоянную работу в городе — это уже было достижением, не говоря уже о работе в таверне «Фулай».

Раньше некоторые любопытные ходили посмотреть на эту таверну. Туда входили и выходили

господа и учёные, все в дорогих одеждах. Деревенские крестьяне всегда испытывали некоторое благоговение перед городскими богачами, словно они были на голову ниже. Увидев таких господ, они робели и боялись громко дышать. А Лю Хуцзы не боялся, вежливо приветствовал каждого, провожал внутрь.

Все восхищались Лю Хуцзы. К тому же, проработав столько лет в таверне, он, должно быть, познакомился с какими-то богачами. Поэтому, когда он возвращался в деревню, все относились к нему с почтением, даже староста деревни выказывал ему уважение.

Куда бы ни пошла госпожа Лю, её встречали лестью и похвалами. Наслушавшись этого, она решила, что её сын достоин даже городской девушки, а обычные деревенские ему не пара. А тут Чжан Дая сватает старого гэ'эра. Это же явное неуважение к Лю Хуцзы.

К тому же, Цзян Сяои — сын Хуан Сюлянь. А от такой бесстыдницы разве может родиться что-то хорошее?

Госпожа Лю не хотела иметь ничего общего с семьёй Хуан, считая это позором.

<http://bllate.org/book/13701/1583574>